

15 июня в 10:30 в Иркутском доме архитектора состоялся дискуссионный клуб ЗВС-ПБ, посвященный теме фестиваля – СИБИРСКИЙ КОД. За круглым столом собрались представители Иркутска, Братска, Красноярска, Кемерово, Новокузнецка, Барнаула, Томска, Новосибирска и Нижнего Новгорода. Модератором выступила вице-президент Союза архитекторов России по СФО архитектор и издатель Елена Григорьева.

Ключевые слова: идентичность города; стилистика; ландшафт; дерево; таежная цивилизация; лидеры организаций Союза архитекторов Сибирского федерального округа./

On 15 June at 10:30, a discussion club of Zodchestvo in Siberia-Project Baikal (ZVS-PB) was held in the Irkutsk House of the Architect. It was dedicated to the theme of the festival: SIBIRIAN CODE. The round table gathered representatives from Irkutsk, Bratsk, Krasnoyarsk, Kemerovo, Novokuznetsk, Barnaul, Tomsk, Novosibirsk and Nizhny Novgorod. Elena Grigorieva, vice-president of the Union of Architects of Russia for the Siberian Federal District, architect and publisher was the moderator.

Keywords: city identity; stylistics; landscape; wood; taiga civilisation; leaders of organisations of the Union of Architects of the Siberian Federal District.

Дискуссионный клуб ЗВС-ПБ. СИБИРСКИЙ КОД. Чествование городов / ZVS-PB Discussion Club. SIBIRIAN CODE. Honouring cities

текст

Виктория Астраханцева (Братск)
Елена Григорьева РААСН
Петр Долнаков (Новосибирск)
Александр Деринг (Барнаул)
Сергей Зыков (Кемерово)
Алексей Мякота (Красноярск)
Олег Рыбин (Нижний Новгород)
Руслан Хотулев (Иркутск)
Сергей Худяков (Томск)
Валерий Цой (Новокузнецк)
Алексей Чертилов ИРНТУ
Константин Лидин Федерация «Союз соотечественников» (София, Болгария)
Александр Гимельштейн Иркутский государственный университет
Алена Мочальникова (Новосибирск) фото
Евгения Сурикова,
Татьяна Анненкова;
пресс-служба ИРНТУ

text

Victoria Astrakhantseva (Bratsk)
Elena Grigoryeva RAACS
Petr Dolnakov (Novosibirsk)
Alexander Dering (Barnaul)
Sergey Zykov (Kemerovo)
Alexey Myakota (Krasnoyarsk)
Oleg Rybin (Nizhny Novgorod)
Ruslan Khotulev (Irkutsk)
Sergey Khudyakov (Tomsk)
Valery Tsoi (Novokuznetsk)
Alexey Chertilov INRTU
Konstantin Lidin Federation of Fellow Citizens (Sofia, Bulgaria)
Alexander Gimelstein Irkutsk State University
Alena Mochalnikova (Novosibirsk)
Photos by
Evgeniya Surikova;
Tatiana Annenkova;
INRTU Press Service

Елена Григорьева Сибирский код. Код – шифр – тайна и одновременно ключ к разгадке. Границы Сибири размыты и переменчивы во времени. Тюмень, относясь административно к Уральскому федеральному округу, заводит квесты под названием «Сибирский код», причисляя себя к Сибири, что естественно: Тобольск был ее, Сибири, форпостом. А Забайкалье одним росчерком пера переводится в Дальневосточный округ, как раньше Якутия.

Сибирский характер. Сибирское здоровье. «Я – сибирской породы», – слова космополита Е. Евтушенко. Каков характер сибирских городов? Какой они породы? Что нужно, чтобы они могли похвастаться сибирским здоровьем? Что объединяет наши города в семью, и есть ли вообще такое явление? В чем особенность, неповторимость каждого города?

Вместе с лидерами архитектурного цеха Сибири попробуем ответить на эти вопросы в традиционном для нашего фестиваля и нашего журнала формате дискуссии здесь, в зеленой гостиной Иркутского дома архитекторов.

И начнем с представителя Новосибирска, официальной столицы Сибирского федерального округа.

Петр Долнаков Чтобы полюбить Новосибирск, надо его понять. А чтобы его понять, надо

осознать само слово, с которого все началось: НОВО-Сибирск. Город-подросток с мощными внутренними противоречивыми процессами, который на фоне бурного роста активно меняется; здесь действует много факторов: жажда познания, отсутствие авторитетного мнения... При этом на фоне бурно развивающегося каркаса и транспортной системы мышцы становятся некрепкими. Но, как у всех подростков, у города есть нервное внутреннее чувство. Поэтому каждый в городе ищет себя и находит, если успеваешь включиться. Для того, чтобы понять себя в городе, нужно обратиться к людям, которые основывали город: Е. Ощепков и другие. Люди-герои, которые, невзирая на изменения вокруг, не боялись вести свою тему, и сейчас мы видим этот результат большой школы. В Новосибирске огромное количество хороших институтов и школ. Когда развивается инфраструктура, нет времени думать, некогда остановиться и посмотреть назад, получить критику. Это один из факторов города: как и любой подросток, он начинает бурно реагировать. Кто не понимает эту специфику – отворачивается и, возможно, начинает вести свою обособленную архитектурную деятельность. Нужно понять ритмы роста, ориентироваться на героев, которые жили созданием сложного города.

При всей противоречивости основной сибирских городов является открытость, дружелюбность. Так нас определяют остальные регионы России. В нас код мощной энергии; возможно, из-за внешних суровых климатических условий конкуренция высокая. Из-за того, что в городе коренных жителей очень мало, на некоторых организационных сборах или публичных слушаниях люди не могут объединиться, потому что все люди приезжают в город получить образование и, скорее всего, уехать опять.

Александр Деринг Я родился и закончил школу в Томске, получил архитектурное образование в Новосибирске и после учебы живу уже более 40 лет в Барнауле. О чем несколько не жалею. Я задумался: чем отличаются эти три города, находящиеся почти на одном меридиане длиной 500 км?

Прежде всего – это жители. Томск – с остатками губернского города XIX века, с московским диалектом жителей, молодежный, студенческий, с высокой внутренней культурой.

Новосибирск – город, появившийся благодаря выбору трассы Великого Сибирского пути, который прошел не через Томск, а именно на месте деревни Гусевки. Город как плавильный котел и сибирский хаб, свысока смотрящий на соседние города.

Архитектура города амбициозная, с прицелом на столицу Сибири.

Кемерово и Новокузнецк – особые города, экономика которых основана на природных ресурсах; о жителях сложно что-то сказать. Вечное соперничество этих двух городов за статус столицы области.

Барнаул как город складывался непросто. Основа города – сереброплавильный завод. Барнаул называли Горным городом именно из-за того, что с Алтайских гор сюда привозили руду для выплавки серебра. Таковым он и оставался с особым прямым подчинением Кабинету. И только с начала XX века он стал формироваться как традиционный город. Барнаул – столица Южной Сибири. На полпути из Новосибирска в Барнаул проходит климатическая граница. И если в начале мая выезжаешь из Новосибирска даже со снежком, в Барнауле уже может распусться зелень, и вас встретит теплый уютный город. Сегодня во многом Барнаул растет, как и многие сибирские города, за счет сельской миграции: целые микрорайоны заселяются жителями города в первом поколении, принося с собой частично сельский уклад жизни, с трудом адаптируясь к новым законам городской жизни. И это особенно заметно в сравнении с другими сибирскими городами, где этот процесс не так

заметен. Барнаул – трансграничный город. За нами Средняя и Центральная Азия, и это тоже делает город своеобразным. Я бы отметил восточное влияние в архитектуре начала 2000-х, периоде расцвета творчества отдельных архитекторов Барнаула, на примере Евгении Реутовой, к сожалению, ушедшей от нас. Получившая архитектурное образование в Казахстане, в Усть-Каменогорске, она подсознательно внесла «восточный» колорит в свою архитектуру, застроив значительную часть центра города своими жилыми комплексами. Ее архитектура заметна и необычна. Серьезный вклад в своеобразие города внесли Владимир Золотов и многие другие барнаульские архитекторы.

Если говорить об особой «сибирской породе», то это скорее миф, хотя и очень симпатичный.

Сложно говорить о какой-то открытости сибиряков и особом здоровье. Но наша жизнь всегда наполнена легендами и мечтами. Они сохранялись даже в самые трудные для нашего народа времена. Сибирь богата людьми; здесь перемешались переселенцы из западной части России, перемещенные народы во времена войн, целинники, геологи, покорители сибирских рек, строители железных дорог и просто искатели новой, более счастливой жизни.

Сергей Худяков Исторические города, в том числе Томск, в процессе своего развития требуют глубокого анализа и изучения исторического контекста. Город содержит объекты культурного наследия различного уровня, что является ценностью и одновременно блокирующим фактором развития, выдавливающим современное строительство на периферию.

Значений слову «Код» можно придать множество, однако код как производная слова «кодекс», отражающий смыслы в определенных правилах, требует четкого понимания исторического контекста города. При этом исторический контекст должен отражать внутренние и внешние факторы развития территории.

Томск – город одной улицы, сквозь которую прошла торговая связь Великого чайного пути, объединяющая собой все университеты (локализация всей истории развития и градообразующей функции). В историческом контексте Томск менял градообразующие функции, численность населения и национальный состав переселенцев. Город-крепость как граница государственных рубежей. Купеческий город как часть «Великого чайного пути». Город-университет как научно-образовательный центр Сибири. Все эти вехи и другие аспекты привлекали человеческие ресурсы и отража-

лись на среде города, предопределяя его будущее.

Безусловно, Томск – это создающие его люди. Население (переселенцы различных периодов), купечество, приезжие инженеры, профессора и студенты различных вероисповеданий, объединенные климатическими, природными и социально-экономическими и политическими условиями. С момента освоения территории смешение продолжается по сей день привлечением иностранных студентов и закреплением специалистов. Разнообразие традиционных национальных праздников и культуры отразилось на планировочной структуре и архитектуре районов.

Томск как сокровищница объектов, связующих поколения и эпохи. Сохранившийся ландшафт, деревянное и каменное зодчество, императорский университет – некий «мост», продолжение истории огромной страны, которая жила, живет и будет жить.

Город-музей деревянного зодчества – объект туристической привлекательности и предмет конфликтов общественности в определении градостроительных регламентов развития.

Период глобализма, несущий мегапроекты, абсолютно несомасштабные сибирским городам, угрожает потерей аутентичности и самобытности. Таким образом, нерасторопность власти,

отсутствие поддержки населения и неготовность существующей инфраструктуры и экономики, позволяет, сохраняя определенные позиции, более взвешенно и качественно относиться к реализации национальных проектов.

Современные глобальные тренды можно использовать, применяя глубокие исследование и познание кода города как геном организма. Код, который содержит географическое и экономическое местоположение, градообразующие особенности, историю, демографический и национальный состав населения, должен отражаться в архитектуре, дизайне, культуре туризма и других сферах деятельности.

Алексей Мякота Города делают люди. Города в каких-то местах появляются. Для меня всегда вопрос: где? Это существенно. Природно-климатические условия, ландшафт, его специфика: реки, горы, леса и т. д. Ни у одного города нет такого специфического ландшафта, как у Красноярска. Структура его ландшафта очень выраженная: Енисей, образующий стрелку на стыке его притока Качи, а напротив, на острове – резиденция хана Татыша, слияние рек – затишье – все благостное для всего живого; противоположный берег – отроги Восточного Саяна. Существовавшие этносы и их культура выстраивали паритет с природой, во многом определявшийся

зависимостью человека от ее воздействия на его быт. Человек не мог повернуть реки вспять, поставить плотину и потом возмущаться, что изменился климат, стал какой-то неустойчивый. Все сибирские города объединяет пришедшая культура, не сформированная природой места, культурой этноса, а привнесенная и только отчасти перенявшая тонкие, естественно возникшие ощущения местных народов.

В сибирских исторических городах принято вести отсчет истории города с момента, когда пришли «завоеватели» с запада. В Красноярске они срезали основной бор для построек. Срубили острог, а далее возник и регулярный план из Питера. Улицы города, перпендикулярные реке, так называемые «куртины», не замыкались на зданиях, а открывались на природу.

Особый, исторический вклад в культурную базу для формирования городского пространства Красноярска внесли архитекторы Соколовский и Чернышов – те люди, которые создали архитектурную ткань, определяющую и сегодня эстетику городского исторического центра.

Новая волна, повлиявшая на архитектуру и градостроительную политику, формировалась уже в 1960–1980 годы. Это были приглашенные в Красноярск молодые архитекторы и команда управленцев, которые и создали

современный город со своеобразной планировочной структурой, отражающей размещение города на мощной сибирской реке с выраженными урбанизированными узлами в виде предметных площадей на поперечных магистралях, соединяющих берега. Такое пространственное развитие создает качество, ощущаемое как определенная городская столичность.

Сегодня архитектор в первую очередь должен апеллировать к взаимодействию природного и урбанизированного ландшафта, создавая между ними гармонию, учитывая и следуя природному каркасу. Красноярск – это уникальный ландшафт, и быть гармоничным ему – значит создать градообразующий каркас, апеллируя к законам Творца, жестко следуя, сохраняя сложившиеся природно-климатические связи, исследуя мировоззрение местных этносов. Мы своей архитектурой должны формировать, искать этику и эстетику взаимодействия природного и созданного человеком.

Сибирский код должен отражать специфичность развития городов, выстраиваемых на уникальности территории, гении места.

Впервые за много лет современной эпохи сегодня возникла оформленная законодательно потребность в создании высоко-

художественной образной архитектуры современных городов. Созрела правовая основа, о которой раньше мы даже и мечтать не могли. Готов ли профессиональный цех, сформировано ли современное мировоззрение, учитывающее тенденции и вызовы времени в становлении современных мест обитания человека? Что сегодня происходит на этой почве в городах, в управленческих структурах, ответственных за реализацию поставленных задач и целей? Осознаны ли эти цели? Выработаны и понятны ли методики и модели, формирующие регламенты и основные векторы развития современных городов, способных продемонстрировать свою идентичность, устойчивость и экономическую целеустремленность, стать комфортным для проживания местом самореализации человека?

Интересен и показателен опыт федерального процесса по созданию качественной городской среды. Разработка методик для осуществления этой программы свелась на первом этапе ее реализации к созданию регламентов и стандартов. И вначале это было конструктивно и оправдано. Далее общественные пространства городов возникали будто под одну копиру, что привело к осознанию необходимости появления качественных архитектурных решений, а порой

и эксклюзивных, знаковых, отражающих идентичность города.

Сегодня необходим последовательный, очень ответственный, системный анализ развития городов, профессиональная междисциплинарная дискуссия по созданию методик, механизмов, по которым будет происходить его становление на основе социально-политических, экономических, культурных, экологических и природно-климатических факторов его развития.

Отвечая этому вызову, мы считаем, что одной из площадок такой развернутой дискуссии мог бы стать Архигеш, площадка межрегионального значения, где собираются архитекторы Сибири, место, которое по своим природно-климатическим, ландшафтными ценностям напрямую дает возможность человеку, отрешаясь от будничных забот, мыслить высоко, глубоко и осознанно.

Сергей Зыков Кемерово – самый молодой город-столица региона. Статус города получил в 1918, статус областного центра вновь сформированной области – в 1943.

На территории нынешнего города в районе Красная Горка на берегу реки Томь в 1721 русскими исследователями были открыты залежи каменного угля – Кузнецкий угольный бассейн (Кузбасс).

В 1912 бельгийско-российское акционерное общество «Копикуз» приступило к разработке недр Кузнецкого каменноугольного бассейна и строительству первого предприятия по переработке коксующихся углей в поселке Щегловск (ныне – территория Кемерово).

С 1922 по 1927 годы на территории города работает Автономная индустриальная колония «Кузбасс». Иностранцы инженеры и рабочие, в основном американцы, голландцы и бельгийцы, проникнутые идеями социализма и коммунизма, по договору с советскими властями прибыли в регион для восстановления угольной промышленности, в том числе достройки Кемеровского коксохимического завода. Они также вели проектирование и строительство объектов жилья и соцкультбыта.

В советское время Кемерово развивается практически на свободной территории как крупный промышленный центр комплексно по генеральному плану в соответствии с действующими

в СССР градостроительными стандартами.

Центральная часть города застраивалась в 1930–1950-е годы на левом берегу Томи. Поздний конструктивизм переходил в сталинский ампиризм. Четырех-пятиэтажная ансамблевая регулярная застройка, сомасштабная человеку, широкие зеленые улицы, множество скверов и парков. Наличие благоустроенных зеленых бульваров и парков характерно и для других районов города.

Уникальностью Кемерово является природный сосновый бор, сохранившийся на площади 400 га на правом берегу Томи, напротив центральной набережной. Сейчас бор находится практически в геометрическом центре города.

В последние годы город Кемерово получил новый мощный импульс развития. Наряду с массовым строительством жилья и крупнейших спортивных объектов формируется культурный кластер – это музейно-театральный и культурно-образовательный комплексы. В него войдут филиал Государственного русского музея, Театр оперы и балета (филиал Государственного академического Мариинского театра), Кузбасский центр искусств, фондохранилище с реставрационным центром, филиал Высшей школы музыкального и театрального искусства (Сибирский кампус Российского государственного института сценических искусств, Школа креативных индустрий), филиал Московской государственной академии хореографии, филиал Центральной музыкальной школы при Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского «Сибирский». Таким образом, из индустриального Кемерово превращается в культурный центр.

В Кемеровской области самая высокая плотность населения среди сибирских регионов. Наряду с малыми, средними и большими городами – два крупных города с населением в каждом около 550 тыс. чел. Это Кемерово и Новокузнецк – северная и южная столицы Кузбасса, связанные 200-километровой скоростной автомагистралью, что тоже уникально.

Валерий Цой О Новокузнецке. Историческое поселение – Кузнецкий острог на правом берегу заложен в 1614 – уездный город Кузнецк. Выбор площадки

для строительства металлургического комбината и жилого поселка – на левом берегу Томи в 1926. Строился город нового типа – соцгород!

Два города стали одним в 1940. Объединенный Новокузнецк (Сталинск) стал индустриальным городом; исторического наследия осталось очень мало. Все это отразилось на облике города.

Сейчас мы говорим: Новокузнецк – это ворота в Шорию. Шория – часть Горной Сибири: Алтай, Шория, Хакасия, Тува... Здесь формируется и развивается единый рекреационно-туристический кластер.

Сибирские города, если смотреть из космоса, окружают тайга; это крошечные островки в море тайги. Почти все они стоят на берегах рек. Реки, озера, тайга активно вторгаются в городскую застройку; нужно сохранять и развивать города в этом направлении. Для сибиряка город не заканчивается его границей: в это пространство входят ближайший (и не очень) лес, река, горы... Сибиряк – не житель мегаполиса. Это житель Тайги, крупнейшего биотопа на планете. Его сохранение и развитие рекреационной отрасли должны стать приоритетом.

Виктория Астраханцева

О Братске все, думаю, знают: события, песни, стихи знала и повторяла вся страна. Масштабный эксперимент. Братск своей Всесоюзной Легендарной стройкой заразил страну бациллой энтузиазма! Почти все было впервые: крупнейшая в мире (до 1971) ГЭС, мощные, «циклопических» размеров промпредприятия: алюминиевый завод, лесопромышленный комплекс, ЛЭП-500, база стройиндустрии и, конечно, сам город – новый, в глухой тайге (630 км от Иркутска).

Энергичная молодежь, специалисты со всего Союза съехались сюда, в круговорот событий, намерений и надежд, связанных с ними жизненных планов. Происходила концентрация на высокоом накале энергии характеров и абсолютная уверенность в необходимости происходящего. Братск накопил уникальный опыт единения огромной общности, следующей за глобальной идеей. И это прерогатива советского периода.

Со временем наблюдался отсев. Кто-то нашел себя здесь, в Сибири, увлеченно реализовыв-

вался, желая видеть результаты своего труда: сам проектирую, сам строю, сам здесь живу! Выковывались дух, порода братчан.

Архитектура. Первый генплан утвержден лишь в 1970 (население: 1975 – 175 тыс. чел.; 1990 – 289 тыс. чел.; 2023 – 221,2 тыс. чел.; расчет на далекую перспективу – до 600 тыс. чел.). Велась работа по упорядочению, объединению в целостную структуру рассредоточенных массивов стихийной застройки при строящихся производствах. Характер города заложен самой его структурой по принципу «жилье – работа». Характер планировки – открытый, с главными магистралями, бульварами, уходящими перспективой к морю, в природу, в большие светлые панорамы, незамкнутые банальными строениями. Интересно «встраивание» селитбы в рукотворный ландшафт с живописной линией уреза воды водохранилища на Ангаре, учет геопластики рельефа и размещение жилых районов на плато водоразделов. Прием сочетания лапидарной прямолинейности незатейливой архитектуры с пластикой природы.

Происходило тотальное внимание к Братску! Был даже период обсуждения его приоритета относительно Иркутска. Конкуренция промгигантов активизировала, оживляла жизнь в городе, соревновались во всем, все шло во благо горожан. Лидеры государств, гости, делегации обязательно посещали город. Среди знаменитостей – Евтушенко, Пахмутова, Добронравов, Распутин, звезды эстрады...

Блок-секционный метод. Наличие базы стройиндустрии «Братскгэсстрой» (с 1954, с ее 40 организациями) и центром в Братске стало для него определяющим, обеспечивало продукцией города полстраны. Впервые была создана служба Единого заказчика! Начал реализовываться комплексный подход в строительстве, массовое освоение новых серий, блок-секционного метода. Мы получили возможность отойти от жесткой компоновки микрорайонов, жилых групп, отдав предпочтение пластичным, с открытыми, перетекающими дворовыми пространствами (при соблюдении всех норм и согласовании в ГОССТРОе каждого дома выше 5-ти этажей). Братск

унылым не назовешь: при окружении богатой природой, видами и панорамами, ярко выраженным рельефом, притом вкупе с усилиями архитекторов...

Импринтинг. Город строили специалисты из разных городов СССР (120 архитекторов), в основном опытные технари со стажем и перспективная молодежь. Каждый привносил что-то свое...

Помню термин «импринтинг». На него обращал внимание В. Ф. Бух, и это – о внесении архитекторами из других мест разнообразия опыта на сибирскую землю. Из такой мозаики по крупинкам создавалась хоть какая-то индивидуальность в непростой, но чрезвычайно интересный период строительства города. На пике активности именно эти процессы несли смысловую, техническую, культурную нагрузку и понимание советским человеком достаточной для него степени комфорта.

Постсоветский период. Ожидания. «Недосказанная, выжидающая» Легенда, преодолел болезни времени, еще желает продолжения самовыражения, свежих посылов. Значительная прослойка интеллигенции уже зрелого возраста по-прежнему сохраняет оптимизм, породу, хлебосольность. Это инженеры, архитекторы, строители, преподаватели вузов, библиотекари, музейные работники, музыканты... Все они здесь, с прежним

характером и, как могут, все еще привносят в сообщество свои познания.

Что нужно для оздоровления? Новые технологии, модернизация промышленности, производств, коммуналки. Рациональное и эффективное распределение ресурсов, право принятия решений на местах, самодостаточность (в т. ч. для сокращения расходов на логистику). Еще, конечно, стимулы для притока кадров и новые смыслы!

В чем разница, что общего? Различия: глубокие исторические корни как база одних городов в отличие от «новых», таких, как Братск, хотя тоже имеющих свою историю.

Общее: территориальная принадлежность земле сибирской, природа, таежные лесные просторы, реки, озера, водоемы, их богатства и люди!

Братск забрал весь пафос романтики, патриотизма! Его главный капитал – по-прежнему люди!

*Дорогим коллегам
Сибиряк, мужик, коллега –
по походке отличу!
Чуть небрежно он одетый,
чуть пиджак не по плечу...
Не гламурный, не прилизан,
да взьерошен чуб его.
На отшельника похож он,
суета не про него.
На трибунах не замечен.
Даже рядом, как в тени.
Мудрым взглядом вместо речи*

*все, что нужно, объяснит.
Вот, случилось, архитектор
в руки карандаш берет...
Не узнаешь человека,
в чертеже – идей полет!
Тонко, чутко, виртуозно...
Вот на Званье претендент!
В пальцах жилистых надежно
держит хрупкий инструмент.
Не опишешь, невозможно,
нужных слов не подберешь...
Присмотрись: в глуби таежной,
их, талантливых, найдешь.
Здесь гармония, здесь реки,
горы, хвойные леса.
Заложили в человека
дар природы – небеса...
Наносного нет, свободен
и раскованно силен!
Он и к подвигу «пригоден»,
И талантом наделен.
Дорогой мужик, коллега –
от любого отличу.
Пусть небрежно ты одетый,
пусть пиджак не по плечу...*

Руслан Хотулев Первое, что приходит в голову, когда говорим о сибирском характере Иркутска, – это, конечно, деревянное зодчество. «Предпринимательский» исторический центр, пусть и из дерева, но с городскими доходными домами. Архитектурное сообщество вспомнит модернистскую застройку шестидесятников. Казалось бы, трудно «поженить» традицию и устремление в будущее. Однако, как ни парадоксально, коллеги следовали сибирскому, историческому и природному

контексту. Сегодня интересно наблюдать за сохранением этой сибирской породы Иркутска уже в современном городе, через призму архитектурных конкурсов. В таком формате, дающем архитектору высказаться на заданную организаторами тему, видно наследование характерных черт.

ЕГ Соглашусь с Русланом в том, что два главных феномена Иркутска в области архитектуры – дерево и иркутский брутализм 1970–1980-х. К феноменам событийным можно отнести Зимний градостроительный воркшоп, чье 25-летие состоится в следующем году, достигшее российского масштаба молодежное инсталляционное движение АРХБУХТА, и, конечно, фестиваль ЗВС, рожденный на иркутской земле. То, что эти три событийных феномена продолжают упрямо существовать не благодаря, а скорее, вопреки всему, преодолевая кризисы разного рода, демонстрирует наш сибирский характер, закаленность и упорство. Кстати, и ПРОЕКТ БАЙКАЛ можно отнести к феноменам, рожденным архитектурным Иркутском и уже почти 20 лет не только выживающим, но успешным и востребованным. Возвращаемся к чествованию городов.

Константин Лидин Добавлю небольшое наблюдение о Сибири со стороны Европы и бывшего сибиряка, ставшего европейцем.

Первое, что сильно бросается в глаза, когда перебираешься из Сибири в западные регионы Евразии – это плотность населения. Восточная Европа слабо заселена по отношению к Западной Европе, но и здесь между городами не больше, чем 2–3 часа пути на машине. В некоторых местах можно просто гуляючи перейти пешком из города в город, и даже из одной страны в другую.

Сибирские города – как острова: от города до города такие расстояния, как от любого края Европы до центра. К примеру, ближайший город к Иркутску находится на расстоянии 1000 км – как от Софии до Вены, причем по пути надо пересечь еще три страны. Это создает сибирякам определенные проблемы, так как затрудняется общение: просто так в гости не съездишь. Но это же дает серьезные преимущества.

Очень обнадеживает, какие интересные мнения высказываются на этом круглом столе. Индивидуальность городов начинает осознаваться как ценность. Европа давно живет в режиме острой конкуренции между городами; это реальная угроза для большинства городов – каждый из них может исчезнуть с лица земли. Есть города, которые уже превратились в мертвые руинированные памятники. В нескольких городах в Италии, в Греции действуют программы

привлечения иммигрантов. Им даже обещают платить ежемесячное пособие, лишь бы приехали и поселились. Сумма, правда, минимальная, в пределах прожиточного минимума, но и жизнь в этих городах не очень дорогая. Это, конечно, отчаянная мера.

У сибирских городов уникальный опыт – конкуренция, соперничество; все крупные города хотят быть столицами, а малые хотят быть краше соседей, но при этом каждый город как остров. Каждый город окружен этаким безлюдным, равнодушным к человеку космосом. Конкуренты есть, но они далеко, где-то за горизонтом. И конкуренция получается условная. Мы соперничаем между собой, но одновременно мы сотрудничаем в противостоянии этим океаническим пространствам. Причем конкуренция – наполовину игра, а вот сотрудничество – реальная жизненная необходимость.

На мой взгляд, это ценнейший опыт. Мы его совсем не осознаем. Мы думаем про себя, что живем на окраине мира, наш опыт локальный; кому мы можем быть интересны?

Сейчас мы начали совместный проект с Иорданией – обследование древнего города Амман, выявление идентичности города. Амман находится в уникальной ситуации, так как ¼ населения составляют беженцы из Сирии, Йемена, Ирака и др. Амману

больше трех тысяч лет, но за последнее столетие он вырос в 2000 раз. В начале XX века там жили 2000 бедуинов и черкесов, а сейчас население 4 миллиона. Как сохранять идентичность города, когда 99% горожан – приезжие, из которых четверть – беженцы? У иорданцев нет такого опыта, а у нас есть. Городская Сибирь вся построена иммигрантами. Они приезжали и вращались в местный ландшафт, приспосабливались к особенностям климата и приводили структуру городов в равновесие с гением места. Это редкий, уникальный опыт. Но мы не видим его ценности. Охотно выступаем в роли учеников: нас учат китайцы, американцы, европейцы. А нам есть чему и поучить.

Александр Гимельштейн

Я коснусь антропологической стороны, не имея компетентности в архитектуре.

Вспомним строки Л. Мартынова: «Не осуждай сибиряка, что он угрюм и носит нож. Ведь он на русского похож, как барс похож на барсука». Весь XIX и первая четверть XX века – это столетие сибирских вопросов. Фамилии Потапова, Ядринцева, Щапова для Сибири были известны абсолютно всему читающему населению. Для мыслящей общественности это было принципиально, потому что «сибирские вопросы» были связаны со взглядами на Сибирь

как колонию империи. Это имело политический оттенок, но практически не имело этнического: под колониальным гнетом в большей степени, чем, согласно действовавшей терминологии, «кинородцы», ощущали себя именно русские сибиряки. В письменности, в быту, в языке не существовало фразы «я уезжаю из Сибири в Москву, Петербург и т. д.» – было устойчивое выражение «Я уезжаю в Россию».

Хочу вернуться к проблеме, на которую указали коллеги. Скорее плохо, что сибирские города – это острова, потому что они не связаны в архипелаг, и мне было любопытно, что ни один из лидеров архитектуры сибирских городов, выступающих здесь, не связывает стиль, содержание, философию своих городов с другими сибирскими городами. И недаром как хотят, так и кроют политико-географическую карту Сибирского федерального округа. Новосибирск, крупный и уверенный город, никак не столица Сибири, а лишь местонахождение полпреда президента, который занимается чем угодно, но не развитием макрорегиона – его не существует.

Хочется призвать создать общесибирскую тематику – это касается не только архитекторов, урбанистов – об этом стоит говорить в более широком смысле.

Олег Рыбин У меня есть несколько зарисовок. Что вы знаете о России? А если говорить про географию пространства: Москва, Санкт-Петербург и Сибирь – и больше ничего. Например, Нижний Новгород – это там, где заканчивается русская возвышенность и начинается правый берег Оки и Волги. И когда мы выходим к Дому архитектора и памятнику Чкалова на Чкаловскую лестницу – мы видим этот простор. В 2010 году мы возили экспертов, выбирали место для стадиона, и реакция на это место была мощной: на незастроенной части Волги и до самого горизонта – это уже Сибирь! Возвращаясь к теме: главная особенность сибирского архипелага – это люди, которые умеют, любят, у них есть потребность двигаться, у них есть особая восприимчивость к чужой культуре, к мысли и т. д. Я родом из Северодвинска, ему еще ста лет нет, и туда со всей страны съехались люди строить подводные лодки. Я вижу движение в этом городе, по сути общежития в одном месте на базе общего дела – это и есть код, который я услышал сегодня от вас всех. Учитывая, что сейчас творится в Москве, полезно закрыться и сделать что-то свое. И показать всей стране и Москве в том числе, по-настоящему сибирский подход. Сибирь – это огромный архипелаг, который может показать,

как это взаимодействие может состояться, и ничего не потерять.

ЕГ Некоторые ключевые слова относительно сибирского кода у нас уже прозвучали: энергия, ландшафт... Возможно, сибиряки более свободный народ: многие из первопоселенцев сбежали из России в Сибирь от крепостной зависимости. Еще добавления в копилку ключевых слов: архипелаг «Сибирь», движение.

Алексей Чертилов Иркутск на самом деле – историческая столица. Напомним историю. После Тобольска Иркутск командовал всей Сибирью и Дальним Востоком; одно упоминание того, что в Иркутске было организовано адмиралтейство, чего стоит. Природа сибирская – сначала тайга, которая кормила всех пришельцев и аборигенное население, реки, климат, и после этого – все остальное. Сибирские богатства всем известны. Первое – это дерево: все города в Сибирии до середины XX века были деревянными; возникло уникальные деревянное зодчество. Возникло и сибирское барокко, камень вручную. С развитием деревянной городской архитектуры определился характер сибиряка, именно в архитектуре. Последнее: географически – страна Сибирия.

АГ Страна – опасное слово!

ПД Люди осознанно остаются здесь жить и не уезжают в мега-

полисы. Это говорит о том, что мы живем не в городах, мы живем в Сибири: в природе, тайге и т. д. Очень многие, уезжая, тоскуют по этому.

Алена Мочальникова Слово «природа» – оно есть везде, а вот слово «тайга» – оно по-настоящему сибирское.

ПД Термин «таежная цивилизация» мы пытаемся развивать в теме агломерации, туризма, горной сети.

ЕГ Добавилось слово «горная». Буквально вчера мы говорили о переключке Шерегеша, Соболиной горы, Бобрового лога.

В коллекцию ключевых слов к таежной цивилизации добавляю устойчивое словосочетание «зимний город». Зима – необычное время, известно, что большинство людей на планете живет в тропиках. Определенно должен быть особый подход к проектированию в нашей климатической зоне. Во всяком случае, мы исповедуем это в своей урбанистической практике.

ПД Новосибирск, по сути, не является столицей Сибири. В этом и состоит сибирский код: каждый сидящий здесь за круглым столом считает свой город столицей Сибири. Это очень интересно, так как это программное мышление. Сейчас недостаточно сделать классный фасад, недостаточно сделать классную планировку; надо придумать, кто,

что и как будет делать четыре сезона в здании и среде. Потому что проблема функционального насыщения и функционального программирования объектов, городов и территорий – то, чем мы занимаемся постоянно в условиях агрессивных сезонов. Поэтому мы можем научить других комплексному мышлению и способностью к самоорганизации. Мы все столичные города – Сибирь территория столиц.

ЕГ Неплохо сказано.

В завершение нашего разговора нельзя не отметить, что, благодаря обновленному, номадическому формату фестиваля ЗВС, мы познакомились с нашими сибирскими городами ближе, лучше понимаем их.